

Мы всегда что-нибудь придумываем, чтобы
сделать вид, что мы живем.

Сэмюэль Беккет. В ожидании Годо

Все забываю, каждый день забываю, а жизнь
уходит и никогда не вернется, никогда, никогда
мы не уедем в Москву.

Антон Чехов. Три сестры

ПРОЛОГ

Ты тут? Не хочу с тобой разговаривать. Блин, так бесишь меня. Ужас прямо. Но я должен тебе рассказать. Не отвечай. Не хочу, чтобы ты отвечал. Я просто расскажу тебе историю, а ты послушай, окей?

Я ночью короткометражку смотрел. Про всякое там северное говно. Я не фанат, но залип. Там про Хульдру было. *Хульдра — та, что прячется.* Та, что пасет в лесу жирный, откормленный скот. Обычно хульдра выглядит как красивая баба. И волосы у нее еще длинные, и это не просто так. Это из-за того, что у нее есть коровий хвост и дыра в спине. Щель такая, рили, как дупло в платане. И все это надо прятать. Кстати, ты знал, что платаны во Франции, например, все пронумерованы? Идешь такой по улице, а там платан номер 19845, платан номер 358535, далее везде. Да пофиг.

Короче, эта хульдра красивая, и все в нее сразу влюбляются. А она в ответ может всякому научить — от бытовых ремесел до игры на... ну не знаю, типа гусях там или баяне, а еще она может любому устроить богатую кайфовую жизнь. Но это все до тех пор, пока любопытный кто-то не заглянет ей в щель в спине, а вот когда заглянет, она сразу как будто становится не красивая, а наоборот. И если кто ее разлюбил — тому хана. Самая опасная

хульдра — влюбленная или та, которую обидели. Такая может наслать на врага проказу, чесотку и раскаленный железный прут, который всегда будет жечь спину. Прикинь. И еще, говорят, они типа божества. Будто у Адама и Евы было овер до фига детей, и однажды Господь решил их навестить, а Ева испугалась, что он разозлится, что их много, и каких-то спрятала. Тогда Господь сказал: «Так пускай же они всегда прячутся от вас и от всего рода людского!» Dem ska bli huldrå*. А по другой версии, они — потомки Адама от его первого брака с Лилит. Санта-Барбара, понял?

Говорят, и сегодня можно встретить хульдр в некоторых местах. Чаще всего у водопада Кьосфоссен. Хер его знает, где это. Но я думаю, знаешь что? Это как моя мать. Потому что хульдра — та, что прячется. Ну и волосы тоже. Все время думал: зачем ей такие длинные волосы?

* И быть им хульдрами (*швед.*).

Анатолий Николаевич Василевский (так, по крайней мере, указано в его паспорте, который он предъявил) вышел из отделения полиции ближе к вечеру, солнце уже закатилось. Он то и дело задумывался и вляпывался в подмерзшую бурую грязь, та звонко чавкала под его подошвами.

«Анатолий Николаевич, — обратился к нему молодой взъерошенный лейтенант. — Идите домой, мы приняли дело и будем искать. Если до завтра не объявится, с вами свяжется следователь, он вам позвонит».

Звучало это одновременно насмешливо и сочувственно, лейтенант, который годился ему в сыновья или в лучшем случае — в младшие братья, долго сидел молча и просто наблюдал, пока старший по званию принимал у Анатолия бумагу — не с первого раза, между прочим.

Сначала ему трижды пришлось пересказывать обстоятельства того дня, когда в последний раз видел жену, потом долго не мог подцепить пальцем из-под обложки паспорта ее потрепанное фото — не очень-то свежее, положил туда по молодости еще, а когда паспорт недавно менял на «крайний», как ему сообщили в МФЦ, оставил старую обложку вместе со всеми скопившимися там

потерявшими цвет чеками и поблекшими мятыми фотографиями.

Мент, который принял заявление (для Анатолия все они были «менты», он не разбирался в званиях и звездочках, а лейтенант единственный из всех представился по форме), оплывший, усталый и какой-то карикатурный даже, дыхнул на Анатолия уксусно и, мусоля в толстых пальцах мелкую карточку Анны, ухмыльнулся: «Ничего так».

Анатолия от этого немного перекосило, ему не понравился тон, вид и процесс, однако он быстро взял себя в руки: «ничего» его жена или «чего», уже принципиального значения не имело — нужно было просто ее найти.

— Сбежала, поди, от тебя? — снова криво усмехнулся мент, но Анатолий помотал головой:

— Она бы не стала.

— Все так говорят, — философски ответил тот. — А потом выясняется. Может, ты бил ее?

Анатолий удивился, как быстро все эти люди берут над ним власть и не соблюдают даже простые правила вежливости, но снова помотал головой:

— Не бил.

Дома он сразу же сунул голову под холодную воду, ибо душная жара — батареи на максимум — сразу сбила его с ног, голова закружилась. Погода скакала от минус восемнадцати до плюс четырех, третий день не могла определиться.

Третий день Анатолий не мог найти Анну.

Дома за столом перед остывшей яичницей сидел его сын — Наум Анатольевич, то же самое, Василевский, который все три дня прогуливал школу и повторял:

— Это я в-виноват. Это из-за меня.

Анатолий махнул рукой, подвинул к себе тарелку и молча доел яичницу.

— Как в ментовке п-п-прошло? — спросил сын.

— Нормально.

Но сам Анатолий не знал, нормально прошло или нет и будут ли они искать, потому что в первый день сказали «ждите три дня, может, вернется», а сегодня, так и быть, согласились «ну хорошо, примем заявление», но будут ли искать? Между бумажкой и действием разница огромная. Еще он подумал, что правильнее было бы показать ментам фото из телефона, уж точно более актуальное, чем то, из паспорта, но даже ведь не спросили, а он растерялся.

Писать заявление его отправили в коридор, где ручки привязаны к стульям веревочками. Бумагу выдали, он долго пристраивал ее на коленях, а потом сел на корточки перед стулом и начал писать — практически школьное сочинение: «Я, Василевский Анатолий Николаевич, 1979 года рождения, хочу заявить о пропаже моей жены, Василевской Анны Сергеевны, 1981 года рождения...»

Ушла из дома и не вернулась. А из дома ли она ушла?

Анатолий плохо помнил те сутки.

Сначала он ехал за сыном, летел самолетом. Анна просто позвонила ему и сказала: «Съезди». И он поехал.

— У вашей жены есть особенности?

Моя жена — особенная? Я никогда не думал о ней так. Давайте я расскажу о том, что помню. Я влюбился в нее, потому что она смеялась над моими шутками. Звучит странно, но это правда. Никогда не думал до встречи с ней, что так приятно, когда кто-то смеется над твоими шутками. В детстве мне говорили, что я зануда. Конечно, она была красивой. Все эти ее длинные волосы и ресницы. Они так смешно подрагивают, когда она спит. Впрочем, я давно не замечал этого. В смысле не смотрел на нее по утрам. Ну, годы идут. Годы проходят — и вы уже многого не замечаете. У вас есть жена? Как давно? А-а. Поймете позже. Сначала вы радуетесь каждому дню, все в этом человеке кажется вам идеальным, даже его недостатки, а потом меняется все — то, что она говорит и, главное, как говорит, и даже запах, вы перестаете замечать все то, что вас так восхищало, и вы такой: ну да, это моя жена, ничего особенного. Принимаете как данность. А потом и вовсе перестаете ее узнавать...

— Все это не пригодится. Назовите какие-то особенности, по которым ее легко... опознать. То есть узнать.

Ну... У нее длинные темные волосы. Кстати, и правда странно, что она не седая, да? Когда вообще женщины начинают седеть? У меня вот уже

все белое, даже борода. Может, она красилась? Я не спрашивал. Какой именно цвет? Ну, коричневый или черный, видимо, я в этом не силен, но не совсем черный все-таки, не как у азиатов. Глаза темные. То есть карие. Как это правильно называется. Скорее худая. Хотя, возможно... Она что-то говорила, что не ест после шести. Вроде бы это значит, что худела? Я не специалист. Как по мне, она была нормальная, понимаете? Когда не кожа да кости, есть за что подержаться, но ничего лишнего. Теперь еще... Родинка или как это назвать — бородавка? Короче, что-то такое на подбородке. Но не очень заметная. В чем она была одета. Видите ли, я не очень разбираюсь в женской одежде. Она работает в школе, у нее поэтому одежда как правило... Ну, юбка, рубашка... Смогу ли я увидеть, чего не хватает в шкафу? Нет, я правда не уверен... К тому же она была дома, в домашнем... Это что — футболка, джинсы. Да, почему джинсы? Может быть, просто штаны такие, как спортивные. Серые или? Я правда не помню, простите. Нет, кольцо она не носила. Интересный, кстати, момент. Когда она сняла кольцо? Где-то полгода назад. Точно. Я еще спросил, где кольцо, я такие вещи обычно не замечаю, но тут заметил. А она сказала: пальцы отекают. Я не спрашивал, почему. Нет, она не болела. Я сам кольцо давно не ношу. Причины нет особенной, просто мне неудобно, так и не привык. А она носила. Для нее это было важно. Поэтому я удивился. О разводе мы не говорили. Почему у вас

такие негативные сценарии в голове? Разве я мог ее убить за то, например, что она сняла кольцо? Бред какой-то. Да ни за что я не мог ее убить. Я не злой. Разные бывали чувства, конечно... Обида, ярость. Как у всех. Но никогда не было безразличия. Вот что мне кажется важным. Любые чувства — это терпимо, а вот безразличие — это фатально. Фаталити, как говорила ее подружка, змея подколотная. Я не люблю ее подружек, никогда не любил. А ее любил в целом. Говорю как есть. Как было.

Днем темно, ночью темно, невыносимо. Анна в спальне шторы по привычке распахивает с утра, а там все то же — матовая угольная мгла. Сейчас четыре утра или десять вечера — она не знает. Сколько до будильника? Просила ведь Толю починить электронные часы, но он без конца забывает. Анна нащупывает на тумбочке телефон, тот отзывается нехотя, трещина проходит прямо посередине — между цифрами ноль шесть и тридцать восемь. Через двадцать минут подъем, стоит ли ждать? Анна встает, стараясь не наступить на вздыбленную волну линолеума. На кухне тихо. Тикает плита, как бомба с часовым механизмом: таймер тоже никак не починится, потому что сломанные вещи редко приходят в норму сами. Анна крутит ручку жалюзи — темнота.

В ванной пахнет сыростью, кое-где проступили черные грядки плесени, Анна проверяет колготки на змеевике — высохли и висят плетьюми. В голове сама собой возникает мысль, что на них можно было бы и повеситься. Но все-таки не сегодня.

Выйдя из ванной в густом облаке пара с запахом ванили, Анна запахивает халат, прячет в него свое бледное потяжелевшее тело. Она долго рассматривала себя в зеркале, картина неутешительная:

по бедрам разошлись сеточкой фиолетовые сосудистые тропинки, живот осунулся, плечи все норовят соединиться с фасадом, подмяв под себя то, что она прячет уже по привычке, — слегка вытянутую грудь с большими, как вишня, сосками.

Анна выходит, не глядя под ноги, — читает новости в телефоне. Ничем хорошим это для нее не кончится: тяжелое предчувствие наваливается комодом, подминает под себя все. Толя выныривает из-под одеяла — всклокоченный, несвежий, знакомый до тошноты. Нащупывает на тумбочке очки, надевает их и своими близорукими глазами таращится на нее, словно кот. Кот, к слову, тоже тут и просит еды длинным гортанным мяэ-э-э. Через левую ногу стреляет судорога — скорее всего, нервное, Анна издает протяжный и тоже животный звук, идет на кухню. Линолеум лежит кусками, топорщится горками — безрукий муж ее, Толя, не в состоянии не то что сделать сам, а просто вызвать специалистов. Анна выдавливает корм из пакетика коту в миску, и он тут же начинает хватать куски, как будто не ел неделю. Она гладит кота ладонью по твердой, мохнатой голове и включает заляпанный чайник.

— Аня, — окликает ее муж. — Что у нас на завтрак?

«Ах ты боже мой, — думает Аня. — Ну что ты вечно, как будто тебе пять лет».

Но вместо упреков, которые сегодня ей не под силу, молча кидает на плиту сковородку.

— Голова не болит? — интересуется Толя.

Голова не болит.

Анна выходит на балкон и молча закуривает. Минус одиннадцать минут жизни, как написано в статье о вреде курения, которую она давеча вдалбливала детям в школе. Дети (впрочем, это уже не дети) плевать на это хотели — завтра их снова будут ловить за школьным крыльцом. На балконе срач — зимняя резина, какие-то банки, краска, санки и лыжи, все ненужное. Анна думает, что можно все это выбросить. Поставить тут столик, как в Италии. Стульчики. Цветочки. И знает, что ничего этого не будет. Да в общем, даже если поставить — кто тут будет сидеть и зачем? Вид отсюда не то чтобы привлекательный — пятиэтажки и жопа «Пятерочки», куда по утрам приезжает грузовик и начинает разгружаться: гремят ящики, орут грузчики, чаще всего матом — с акцентом.

А ночь? Как цветы переживут эту бесконечную ночь? Полярная ночь длится сорок дней, осталось два. Потом еще несколько месяцев невнятных сумерек... Анна размазывает бычок о почерневший бетон балкона и выбрасывает за борт. Где-то за верхушками деревьев накатывает на берег океан — огромный, как уныние Анны, страшный, как супружеское отвращение.

Толя сидит за столом в длинных выцветших трусах и пожелтевшей майке. На столе дымятся горячие бутерброды, нарезан заветренный сыр, колбаса накромянена, будто ее жестоко убили. Но все же

это забота: Анна на миг даже чувствует благодарность — ну надо же, сделал завтрак, господи, какая прелесть. Она обнимает Толю и целует его в небритую щеку.

— Вечером мать приедет, — извиняющимся тоном говорит Толя, и Анна начинает понимать, почему вдруг был подан завтрак. — Старый Новый год праздновать.

— То есть ты только сейчас решил мне это сообщить? — воспаляется Анна.

Свекровь приезжает, ладно, но это значит: вымыть пол, убрать бардак, приготовить ужин. Убрать с балкона окурки, прийти с работы раньше, купить продукты.

— Нет, ну правда. Ну каждый раз.

Анна вынимает пакет из пакета с пакетами, яростно встряхивает его, чтобы он обрел какую-то форму, и кидает туда все подряд — обертки, обеды, салфетки. Распахивает балкон, выворачивает пепельницу.

— Ну прости, пожалуйста, — бубнит Толя. — Давай помогу.

— Посуду помой, — фыркает на него Анна и выходит вместе с пакетом из кухни. — И елку вынеси в конце концов. Весь пол уже в иголках.

Толя молча кивает, вытирает руки о майку и встает к станку. Посуды накопилось дня за два. Толя вздыхает.

— Или Наума попроси! — кричит Анна из прихожей. — Пора его уже будить, в школу опоздает.

Вечером приедет не только свекровь, еще обещала зайти Алка: громкая, шумная, прямолинейная, локтями во все стороны машет — со стола всегда что-нибудь падает и непременно вдребезги. Водка, сканворды, караоке, дети-подростки, две собаки лохматые — нужны силы, чтобы с ними справляться, хотя бы перекричать. Так что у Алки глубокий командный голос. Ее всегда много. Толя ее не любит. Говорит, что эта женщина всегда сует свой нос куда не следует. Но Алка не сует, она принимает живое и деятельное участие. Анна привыкла: Алка ее лучшая подруга, какая ни есть. Есть и еще одна. Тонкая, почти прозрачная Еся: учительница немецкого, опера и балет, коллекция фарфора, два неудачных брака, чайлдфри (или просто не получилось, что намного скорее), маленькая тупая собачка. Алка и Еся — как день и ночь, полные противоположности, но вокруг Анны они как-то соединились и теперь ходят парой, прямо как Ахеджакова и Талызина в новогоднюю ночь.

В последнее время Анна от них устала.

Алка все время лезет с непрошеными советами: а он что? А она что? А я слышала! А ты попробуй так!

А Еся... Анна вдруг вспоминает, как взялась худеть, вычерпала из дома все — макароны, картошку, сладкое. Сын начал прятать всю запрещенку в своей прикроватной тумбочке. Худели с Толей вдвоем — вместе сподручнее и не так обидно. И ведь Толя, зараза, сбрасывал быстрее,

а Анна медленно — и первым делом, конечно, ушла грудь. Но все равно старалась — ограничивала себя во всем, и подруги, само собой, знали и поддерживали. То есть поддерживала Алка, она-то сама не могла себя ограничить ни в чем, и чужое усердие ее искренне поражало. А вот Еся была не в восторге: все время рассказывала Анне, что та портит желудок и грудь совсем плоская стала, а она и раньше была не фонтан. Анна в ответ улыбалась, а что тут скажешь? Но однажды Анна устроила вечеринку — по случаю, кажется, 8 Марта. Пригласила девчонок, купила вино по акции. Алка пришла с пластиковыми ранневесенними фруктами из заграничных теплиц — все-таки праздник весны. А Еся, змея, вдруг зачем-то притащила торт — жирный, весь из себя крем. И сказала Анне с нежной улыбкой: «Это тебе». «Я же худею, Есенька», — удивилась Анна, а та обиделась как будто: «Ну я же старалась, весь день у плиты».

То есть не лень ей, сучке, было купить коржей, заварить крем и корячиться, лишь бы Анна не стала худой. Потому что на Анну мужики западали, не смотря ни на что, а Еся была одна — долго, достаточно долго для того, чтобы превратиться в злую, несносную тварь, и хотя они были знакомы уже лет пятнадцать, Анна догадывалась, что дружбе конец.

Еся все же заставила ее съесть кусок — дождалась, пока она напьется, и тут же впихнула. Анна съела, но обещала себе сразу же помнить про этот случай.

А торт был вкусный, даже очень.

Готовила Еся славно.

Толя помыл, громыхая, посуду и стоит теперь как часовой над ее душой.

Анна красит глаза, согнувшись над низким зеркалом в прихожей.

— Чего?

— Да так. Красивая сегодня.

Анна закатывает глаза — звучало неискренне.

Она и не помнит, когда в последний раз это было по-настоящему. Когда Толя ей что-нибудь такое говорил, от чего быстрее билось сердце, или когда он ей что-то такое дарил, что она хотя бы запомнила. Анна спрашивала себя: что он подарил мне на прошлый Новый год? А на день рождения? И не помнила. Хочется ли ей обнимать его? Тоже вопрос уровня «продвинутый». А можно не отвечать?

Ей было двадцать пять, когда они встретились. Не страстный роман, но приемлемый. Смущало Анну многое, в том числе — каким бы смешным это ни казалось — его нелепое имя. То-ля как приговор. Еще и мать добавила:

— Нет, — сказала она, — ну ты серьезно? Толя — это ж диагноз.

Но у Толи были красивые синие джинсы. К тому же он сильно старался: забирал Анну с работы на новенькой кредитной машине, строго раз в неделю приносил цветы — заветренные

хризантемы или длинноногие розы — чаще красные или белые, а один раз даже нашел где-то тюльпаны в декабре, прямо как падчерица подснежники.

Толя работал инженером на небольшом производстве в Мурманске, получал три копейки, и мать (которая завтра приедет) активно пропихивала его на «Нерпу» — судоремонтный завод, где по сей день чинят атомные подводные лодки Северного флота. Свекровь почему-то считала, что на таком большом предприятии с историей Толя непременно заработает много денег. И заработал бы, если бы воровал, но он был кристально честен, поэтому в «Нерпе» оставался таким же нищим, как был, — только в Снежногорске. «Зато квартира своя», — любила приговаривать Антонина Борисовна, довольно осматривая их с Анной пятьдесят два квадратных метра. У самой свекрови была трешка в Мурманске, в ней *наш Толенька вырос*, и в ней же они с Анной жили первый год после свадьбы — до рождения Наума.

Анна тяжело переносила совместную жизнь со свекровью, тогда ей казалось, что проще переехать в маленький город, зато в отдельное жилье, тем более — ну что там езды до Мурманска — каких-то шестьдесят километров, час.

Антонина Борисовна мечтательно говорила про Снежногорск: «Край холодных снегов и горячих сердец». А Анна думала, спустя шестнадцать лет: *дыра ебаная*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru